

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904 DOI 10.25986/IRI.2023.92.2.015

С. З. Чернов

Институт археологии РАН, Москва, Россия. chernovsz@mail.ru

РАННЕЕ ПОЙМЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ШЕРНЕ И ДАТИРОВКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОРОГИ ИЗ ЮЖНОЙ РУСИ В РОСТОВ

В статье публикуются результаты археологических раскопок пойменного поселения Могутовского археологического комплекса, который идентифицируется с древнерусским городком Шерна (Щелковский район Московской области). На полуметровой глубине под аллювиальным чехлом был прослежен культурный слой древнерусского времени. Он охватывал небольшое возвышение, окруженное затапливаемыми низинами. Можно предполагать, что поселение контролировало дорогу из Москвы в Клещин (позднее Переяславль) на участке между крепостью и рекой Шеренкой. Керамика, найденная на поселении, принадлежит к кругу раннегончарной. Воронковидные и эсовидные сосуды имеют аналогии в комплексах последней четверти XI в. с лепной керамикой, а также в комплексах первой половины XII в. с керамикой, изготовленной на гончарном круге. Это позволяет датировать поселение первой четвертью XII в. и предполагать, что около этого времени появилась дорога из Южной Руси в Ростов.

Ключевые слова: дорога из Южной Руси в Ростов, Шерна, раннегончарная керамика, археология пойм, аллювий, Могутовский археологический комплекс

В 2001–2013 гг. на селище Могутово-2 в 120 м от Могутовского городища (Щелковский район Московской области) кладоискателями, а также в ходе археологических раскопок было найдено 24 свинцовых вислых печати и 22 свинцовых пломбы XI–XII вв. Большинство печатей атрибутируется новгородским князьям Мстиславу Владимировичу (княжил в 1088–1094 и 1096–1117 гг. в Новгороде) и Всеволоду Мстиславичу (княжил в 1117–1136 гг. в Новгороде) [Чернов, 2003а]. Судя по радиоуглеродному анализу и дендрохронологическому определению, усадьбы, на которых хранились грамоты, сопровождавшиеся печатями, были построены в 1150-е гг. В связи с этим возникает вопрос о времени появления поселения в Могутове.

Могутовский археологический комплекс идентифицируется с городком Шерна, впервые упоминаемым в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.¹ Он располагался на дороге из Москвы в Переяславль, которая являлась частью дороги из Южной Руси в Ростов (Рис. 1). Письменные источники не содержат прямых свидетельств о времени ее появления. Мы обладаем лишь упоминанием о четырех походах из Южной Руси в Ростов в Поучении

¹ ДДГ. № 12. С. 34.

Владимира Мономаха². Значительный корпус летописных известий относится к середине – второй половине XII в. В частности, это упоминания о походах Юрия Долгорукого из Суздаля «в Русь» через Козельск в 1146 и 1154 гг.³

Археологические материалы на этот счет представляют большой интерес. В настоящей работе предполагается изложить материалы о раннем поселении в Могутове. Полученные данные бросают свет на начальный этап возникновения Шерны как поселения на сухопутной дороге, связавшей Юг Руси с Ростовской землей.

В 2005 г. работы Московской областной археологической экспедиции Института археологии РАН были сконцентрированы на пойменных лугах, прилегающих к Могутовскому городищу [Чернов, Глазунова]⁴. К этому времени исследования в поймах, ориентированные изначально на выявление влажных и/или стратифицированных отложений и данных о палеосреде [Александровский и др.], получили новое дыхание в связи с тем, что раскопки пойменной части Гнездовского археологического комплекса 2001–2005 гг. открыли порт X в. [Мурашёва и др.; Мурашёва, Панин, Фетисов]. Раскопки в пойме р. Шеренки оказались исключительно продуктивными. Они не только дали базовую стратиграфию аллювиальных напластований от неолита до современности, но и позволили выявить наиболее ранний этап формирования Шерны в период Средневековья.

Могутовское городище расположено на мысовом выступе коренного берега (148–149,5 м в Балтийской системе высот)⁵, который глубоко вдается в пойму реки Шеренки. На западе его омывает река, на востоке – ручей. На юге городище соединяется с плато узкой перемычкой, которая в древности была обращена в ров. С севера к городищу примыкает небольшой луг (125 × 70 м). Луг расположен в излучине и в прошлом был зажат между стеной крепости (ныне северный вал городища) и рекой (Рис. 2). Именно он стал предметом нашего изучения.

Раскоп в пойме

Раскоп (32 кв. м; 8 × 4 м) был заложен в пойме р. Шеренки (Рис. 2), в 38 м к северу от древнего северного въезда на городище, между ним и старым мостом через р. Шеренку, по которому в XIX в. проходила дорога из Могутова во Фряново. Как сообщили местные жители, дорога перестала существовать в послевоенное время, так как в результате торфоразработок пойма на левом берегу р. Шеренки была сильно заболочена. На указанном старожилками месте действительно сохранились остатки деревянных свай, маркирующие место старого моста. Как показали историко-топографические исследования, по этой трассе в XIV–XV вв. должна была пролегать упоминаемая в 1381–1382 гг. Старая Переяславская лесная дорога [Чернов, 2003б], следы которой могли сохраниться под аллювием.

Раскоп был заложен в центре пойменного луга, в 6 м к югу от бетонной опоры высоковольтной линии электропередачи, поверхность которой была принята за репер (142,1 м в Балтийской системе высот или 91,1 м на плане, снятом в условной системе) (Рис. 2). Нивелировка показала, что раскоп пришелся на ровную поверхность (–0,5 – –0,6 м от уровня репера). В 4 м к юго-западу от него начинается понижение на полметра и более (Рис. 3 А). Судя по снимку, сделанному с квадрокоптера в 2015 г., это понижение распространяется

² ПСРА. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 247, 250.

³ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 332, 468.

⁴ Чернов С. З. Отчет об археологических раскопках в пойме реки Шеренки близ селища Могутово 2 в Щелковском районе Московской области в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 51260.

⁵ На плане, снятом в условной системе высот, указаны отметки 97–98,5 м. Для получения отметок в Балтийской системе к этим отметкам необходимо прибавить 51 м.

вдоль северного края второй террасы, на которой расположено городище (Рис. 2). На западе понижение ограничено грядой, которая возвышается на 2 м над уровнем луга. Небольшая промоина в этой гряде позволяет сбрасывать избыточную воду из понижения.

Раскоп был ориентирован по линии запад-восток и включал две линии квадратов (2 × 2 м): северную (кв. 1–4) и южную (кв. 5–8). Независимо от характера отложений (аллювий, культурный слой, подстилающие глины) фиксация керамики и находок велась по методике обычных раскопок⁶. Поскольку работы планировалось вести на значительную глубину, для обеспечения безопасности вдоль длинных сторон раскопа были прокопаны технические уступы (бермы) глубиной 0,5 м. В юго-западном углу шурфа был выкопан колодец, что позволило по ходу работ осушать раскоп и получить профили напластований до отметки –320 см.

Аллювий (1-й и 2-й пласты –60 – –100 см). Заполнение 1-го пласта представляло собой серо-бурую гумусированную супесь с фрагментами кирпичей, осколками стекла, кованых и тянутых гвоздей, фрагментами фарфора, фаянса. Среди находок – фрагменты замка от сундука (железная пластина с латунной обкладкой) (№ 1), «турецкой» трубки XVIII в. (№ 2), подковы (№ 9), румпы неполивного и белого поливного изразцов XIX в. (№ 11, 13) и обломки кирпичей толщиной 7,5 и 7,6 см. На грани 1-го и 2-го пластов по всему раскопу гумусированный горизонт сменился слабо гумусированной супесью. Треть керамики, найденной в аллювии (всего 84 фрагмента), датируется XVIII–XIX вв. (фаянс, фарфор – 23,8, 8,4 %). К этому времени относится медная монетка, в которой угадывается полушка Екатерины II 1770-х гг. (№ 4а, кв. 4, –90 см), ножевидная пластина (№ 10, кв. 3) и железная пластина-поковка (№ 12, берма у кв. 5). Таким образом, верхняя часть аллювия формировалась в тот период, когда на городище (Балясова гора) располагалась помещичья усадьба Анатолия Сергеевича Вяземского⁷.

Отложение нижней части аллювия (серо-бурый слабогумусированный суглинок) протекало в результате смыва материала в половодье. Наиболее активно этот процесс шел в XVI – первой половине XVIII в. Такой вывод можно сделать, поскольку половина керамического материала, найденного в аллювии, относится к XVI–XVII вв. (красноглиняная гладкая, белоглиняная грубая, ангобированная, белоглиняная с зеленой поливой и чернолощенная керамика – 27,4, 10,8, 1, 2,4, 8,4 % соответственно). О посещении луга людьми в XVI–XVII вв. говорит развал красноглиняного горшка с заостренным и отогнутым под углом в 45 градусов венчиком (пл. 1, кв. 4).

Около 20 % керамики, найденной в аллювии, включает курганный посуду. Наряду с находками XVIII–XIX вв. в кв. 4 (при разборке бровки на отметке –90 см) была найдена вещь древнерусского времени – бронзовый орнаментированный перстень (Рис. 6, 4).

Культурный слой древнерусского времени на останце (3-й и 4-й пласты –100 – –140 см). Под аллювием, на глубине 60–70 см (–120 – –130 см), открылась древняя дневная поверхность, которая на разных участках раскопа имела различные уровни залегания и была представлена разными типами отложений (Рис. 3 Б). Вначале на соединении кв. 3, 4, 7, 8 был зафиксирован участок культурного слоя в виде прослойки серой супеси. Слой содержал значительное количество угля и пережженных камешков, мелкие фрагменты кальцинированных костей животных и древнерусскую керамику. Как показала зачистка на уровне –100 см, пятно имело

⁶ Фиксацию вели С. З. Чернов и О. Н. Глазунова, изучение почв – с.н.с. Института географии РАН А. Н. Александровский и с.н.с. Института археологии РАН Н. А. Кренке. Геодезические работы выполнены В. В. Петровым, земляные работы – учащимися московской школы «Интеллектуал» и Филипповской школы. Работы проходили с 10 по 26 июня 2005 г.

⁷ Строения усадьбы показаны на Военной съемке Московской губернии, 1 верста (500 сажен) в дюйме, 1852 и 1853 гг. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 3657. Ряд V. Л. 14) и Геометрическом специальном плане Московской губернии Богородского уезда сельца Могутова титулярного советника Анатолия Сергеевича Вяземского. С натуры снимал и план сочинял И. Соколов. 1855 г. (ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 6. Л. 8).

в плане неправильную форму и размеры 2,6 × 1 м (Рис. 4 А). На остальной площади шурфа продолжал фиксироваться аллювий.

После зачистки 2-го пласта (–100 см) для получения разреза участка, на котором был зафиксирован культурный слой, была заложена бровка по линии север-юг (Рис. 4 А). К западу от бровки культурный слой и нижележащие горизонты были выбраны. Как показали раскопки, слой залегал на курганообразном останце, сложенном бурым суглинком (Рис. 5 А, В). Под ним прослеживались гумусовый, подзолистый (светлый суглинок) и бурый (красная глина) горизонты погребенной почвы. К востоку от бровки культурный слой был освобожден от аллювия, что дало возможность представить форму останца (Рис. 5 В, Г).

Слой подзола распространялся на запад почти на всей площади кв. 3 и 7. Далее, в кв. 2 и 6, начиналось заглубление, которое было заполнено линзой оглеенного суглинка (поверхность –130 см). Западнее, в кв. 1 и 5, вновь фиксировались подзолистый горизонт и глина (зачистка на уровне –120 см) (Рис. 4 Б). Здесь, на границе аллювия и погребенной почвы, найден ключ от ларца (№ 5, кв. 6, –105 см). Керамический материал из культурного слоя 3-го пласта включал 16 фрагментов курганной посуды и кальцинированные кости.

По мере разборки 4-го пласта (–120 – –149 см) культурный слой вслед за понижением уровня древней поверхности смещался к западу и востоку от центра курганообразного останца. В нем встречены курганная керамика (37 фрагментов) и несколько фрагментов печины (2–4 см). На поверхности западной и восточной линз оглеенного суглинка культурного слоя не было. Однако здесь были сделаны две находки, которые позволили определить период, когда эта поверхность была дневной. В оглеенном слое на отметке –140 см в кв. 6 был обнаружен фрагмент стенки сосуда, изготовленного из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварцита до 1 мм) (Рис. 4 Б, № 7). В том же оглеенном слое, к востоку от останца, в кв. 4, найден наконечник черешковой стрелы древнерусского времени (Рис. 4 Б, № 8; Рис. 6, 8).

Культурный слой древнерусского времени у подножья останца (5-й и 6-й пласты, –140 – –180 см). В зачистке, выполненной на уровне –170 см, на фоне материка (бурой глины) четко обрисовались границы западины (3,9 × 2,4 м), заполненной серым оглеенным суглинком (Рис. 4 В). Она имела вид широкой полосы, которая пересекала раскоп по линии север-юг, уходила в северную стенку шурфа и сходила на нет близ южной. На пограничье западины и подножья останца (бурого суглинка), в западной части кв. 3 и 7, в зачистке –170 см была прослежена ориентированная по линии север-юг полоса культурного слоя (серый гумусированный суглинок с углем) и гумусового горизонта погребенной почвы длиной 2,1 м, которая перекрывала суглинок останца и уходила под оглеенный суглинок западины. В кв. 7 полоса расширялась до 70 см. Здесь на площади 1 × 0,7 м зафиксировано скопление из валунных камней. Семь камней размерами 15–40 см прослежено на глубине –143 см и пять камней меньших размеров – на отметках –150 – –160 см. Оба скопления стратиграфически связаны с культурным слоем (Рис. 4 В). Небольшой фрагмент гумусированного суглинка с углем (70 × 40 см) зафиксирован в юго-восточном углу кв. 1, у западного края оглеенного пятна. В восточной части раскопа, где склон останца также уходил под оглеенные отложения (северо-восточная часть кв. 4), был зафиксирован культурный слой. В зачистке –170 см он читался как полоса шириной 30 см (Рис. 4 В). В 5-м и 6-м пластах собрано 35 фрагментов курганной керамики.

Профили раскопа и рельеф дневной поверхности древнерусского времени. Профиль северной стенки шурфа показывает, что поверхность бурой глины имеет волнообразную форму. Вершина останца (–130 см) на 70 см возвышается над дном останца (–200 см) (Рис. 5 А). Слой бурой глины проработан вертикальными клиньями светлого суглинка, а в его верхней части

в результате почвенных процессов сформировался подзолистый горизонт (Рис. 5 Б). В районе останцовых возвышений мощность бурого суглинка составляет 80 см, под линзами – 35–40 см.

Реконструкция палеорельефа (Рис. 3 Б) показывает, что пятно культурного слоя (4,8 × 3,3 м) залегало на северном склоне небольшого останца, ограниченного с запада и востока западинами. На останце, рассеченном западной стенкой шурфа, культурного слоя не было. Здесь на глубине –108 – –132 см, в северной части профиля, Н. А. Кренке и А. Л. Александровский зафиксировали гумусовый горизонт погребенной почвы.

Заполнение западин протекало в условиях переувлажнения – этим можно объяснить оглеенность сформировавшихся здесь отложений. Судя по обнаружению в них вещей древнерусского времени, заполнение западин шло в этот период.

Датировка керамики древнерусского поселения в пойме Могутова

Фиксация в культурном слое бытовой керамики, печины, развала камней (вероятно, от печи-каменки⁸) и кальцинированных костей позволяет заключить, что раскоп попал на южный край поселения, которое состояло из отдельных строений, располагавшихся на микроостанцах в пойме. Следовательно, керамика (99 фрагментов, в коллекции 70) отложилась в период функционирования одного сооружения (Рис. 6, 7). Это позволяет анализировать ее как закрытый комплекс. Вначале, после описания сосуда, фиксируются его аналогии в других закрытых комплексах, преимущественно в тех, которые образуют серии: погребения подмосковных курганов, датируемые денариями и украшениями женского убора; постройки XI–XII вв. селища Болшево-3 в верхнем течении р. Клязьмы; нижние ярусы раскопа на ул. Суворова на подоле Смоленска XI–XII вв.; сооружения, изученные раскопками Городка на Ловати.

Материалы поймы принадлежат к периоду бытования древнерусской керамики, который предшествовал формированию классической керамики середины – второй половины XII в. (курганной керамики), представленной на посаде Могутова комплексом ямы 1. Для получения более четких хронологических координат обратимся к рассмотрению отдельных сосудов.

Горшок 1 – самый крупный в коллекции. Диаметр его венчика (30 см) вдвое превышает диаметр донца (16 см) (Рис. 6, 42, 28, 32 и др.). Как видно по аналогиям⁹ (Рис. 6, врезка), он имел стройные пропорции. Изготовлен из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварцита 0,5–2,5 мм). В отличие от курганной керамики Московского края второй половины XII – первой половины XIII в., кварцита (0,5–2,5 мм) выступают не только на внутренней, но и на внешней поверхности горшка. Сосуд прошел довольно равномерный обжиг, так что в изломе черепок однослойный. Цвет его внешней и внутренней поверхностей темно-серый. Это свидетельствует о том, что обжиг производился в условиях недостатка кислорода. Венчик имеет вид воронки или раструба (длиной более 4 см), которая отогнута под углом 20 градусов. Край венчика срезан, причем ему не придана горизонтальная форма, обеспечивающая плотное прилегание крышки и характерная для воронковидных горшков из Подмосковных курганов второй половины XII в. [Московская керамика, с. 79, табл. 16]. Край срезанного венчика оттянуты, внешний край имеет вид козырька.

По мнению Е. В. Каменецкой, изучавшей воронковидные горшки по материалам раскопа ул. Соболева в Смоленске, они являются «хорошим датирующим материалом» [Каменецкая, с. 89]. Исследовательница имела возможность работать с керамикой XI раскопа (1971–1976 гг.),

⁸ В качестве аналогии можно указать на следы печи-каменки жилой постройки первой половины XIII в. селища 4 Кузьминское (Анино), которое было обнаружено в Москве, в верховьях речки Голяданки, на территории парка Кузьминки [Чернов, 2005, с. 277–286, рис. 83].

⁹ Городище на Ловати. Постройка 18 [Горюнова, 2016, рис. 188, 4].

которая была отобрана по ярусам. Воронковидные сосуды фиксировались только в нижних ярусах – с 20-го по 15-й [Каменецкая, с. 88, 89; 158, рис. 27, 1 (форма Г)]. Исследование Е. В. Каменецкой, завершённое в 1977 г., опиралось на дендрохронологическую шкалу, которая была разработана Н. Б. Черных по IX раскопу (1965–1969 гг.) и не шла ниже 16-го и 17-го ярусов [Черных; Колчин, Черных, с. 46–50]. Соответственно, Е. В. Каменецкая относила 16-й и 17-й ярусы к концу XI – первой половине XII в. После того как Н. В. Мясниковой были обработаны спицы собственно XI раскопа, нижние ярусы получили более точные определения. Наиболее поздний сруб 20-го яруса получил дату 1110 г, 19-й ярус – 1120–1130-е гг., 18-й ярус – середина 1140-х – начало 1150-х гг., 17-й ярус – 1160-е – начало 1170-х гг., 16-й ярус – середина 1170-х – середина 1180-х гг. (частоколы 1179 и 1177–1179 гг.) [Мясникова; Асташева].

В яме 1 из раскопа на наб. Горького в Смоленске (междур. Рачевкой и Мавринским ручьем), датированной по радиоуглероду и височным кольцам деснинского типа второй половиной XI в., вместе с характерными для того времени манжетовидными венчиками также фиксируются воронковидные венчики [Кренке, Ершов, Раева, рис. 2, 4, 6, 7, 9].

О развитии воронковидных форм посуды в бассейне верхней Клязьмы можно судить по комплексам селища Болшево-3, которые охватывают временной диапазон от второй четверти XI до конца XII в. Воронковидный горшок присутствует в закрытом комплексе ямы 6 северной усадьбы Болшево-3 (Рис. 8, 265) [Чернов, 2018, с. 96, рис. 19а, 265]. Комплекс ямы 6 включает 329 фрагментов, в том числе 6,5 % – лепной древнерусской посуды, 33 % – раннегончарной круговой посуды и 60,5 % – круговой курганного типа, и на этом основании датируется последней четвертью XI в. [Чернов, 2018, с. 70]. Серия воронковидных венчиков (в тесте кварцита размером 1 мм) найдена в яме 31 (Рис. 8, 363, 422) [Чернов, Волков, 2010, с. 144, рис. 4, 363, 422], которая отражает следующий этап бытования керамики, относящийся к первой половине XII в. (датирующие вещи: крестопорезной бубенчик, навитая битрапециодная бусина синего стекла, шиферное пряслице с большим диаметром канала, ромбовидный наконечник стрелы типа 83) [Чернов, Волков, 2010, с. 140–142]¹⁰.

Наиболее близкая аналогия воронковидного сосуда 1 отыскивается в комплексе керамики селища Дьяково-пойма (близ Дьякова городища в Москве) (Рис. 8, 9), который по сочетанию типичных для раннекруговой керамики форм, ранним орнаментам в виде штампа и «дрожащей волны» и оттиска зубчатого колесика, а также по присутствию фрагмента лепной керамики датирован Н. А. Кренке концом XI – началом XII в. [Кренке, с. 207, рис. 46 Б, 9].

Воронковидные горшки из ямы 1 посада Могутова (1775, 1776, 2461, 2464), которая датируется серединой XII в., выполнены из глины с песком, кварцита на поверхности не выступают. Следовательно, более архаичный по технике изготовления горшок 1 в Могутовской пойме должен датироваться более ранним временем, чем середина XII в.

Горшок 2 сохранился от венчика (диаметр 16 см) до максимального расширения (диаметр 19,5 см) на высоту 7 см (Рис. 6 Б, n-40, n-67, 68, n-69). Это типичный раннегончарный сосуд стройной формы со слабым расширением тулова, эсовидным завершением и срезанным венчиком с несглаженными кромками. Изготовлен он из красножгущейся глины с примесью дресвы (кварцита 0,5–1 мм, в отдельных случаях до 2 мм) и имеет толщину стенок 5–6 мм. Сосуд прошел довольно полный окислительный обжиг – в изломе черепок однослойный. Цвет его поверхностей буро-кирпичный и лишь местами темно-серый: недостаток кислорода при обжиге ощущался спорадически. Плечики горшка украшены тремя слитными полосами

¹⁰ Серия воронковидных венчиков найдена и в верхнем слое в районе ямы 31 [Чернов, Волков, 2009, с. 132, рис. 13, 622, 929, 965; Чернов, Волков, 2010, с. 153, рис. 13, нижняя часть].

горизонтального рифления и полосой волнистого орнамента с частой и глубоко врезанной волной, верхние края которой слегка заострены.

Как известно, эсовидные горшки – одна из ранних форм древнерусской керамики, берущая начало в X в. [Каменецкая, с. 148, рис. 17, 2; с. 149, рис. 18, 2; Горюнова, 2009]. Ближайшая аналогия горшка 2 в Болшеве-3 отыскивается среди раннегончарных эсовидных горшков, обнаруженных в яме 6 (Рис. 8, 185) [Чернов, 2018, с. 95, рис. 18, 185]. Совпадают не только форма и размеры (диаметр болшевского венчика 18 см) сосуда, но и примеси (кварциты от 0,5 до 1 мм), цвет поверхности и стилистика волнистого орнамента с заострениями на верхних концах волны.

Горшок 3 (Рис. 7, *n-30, n-54*). Венчик этого небольшого горшка (диаметр 15 см) с эсовидным профилем и толщиной стенки 6 мм прошел довольно полный окислительный обжиг, так что в изломе черепок однослойный. Цвет внешней и внутренней поверхностей сосуда, а также черепка в изломе – темно-серый. Это свидетельствует о том, что обжиг производился в условиях недостатка кислорода. Верхняя часть тулова украшена 8 плотно сомкнутыми рядами тонкого горизонтального рифления шириной 1,5 см.

Близкой аналогией могутовского горшка 3 является целая форма из женского погребения в кургане 36 могильника Шейка на р. Молодильне (Истринский район Московской области), которая по размерам (диаметр венчика 14 см), форме и орнаментации (сплошная полоса тонкого рифления шириной 3 см) соответствует могутовскому сосуду (Рис. 8, 10). В погребении вместе с горшком найдены многочисленные украшения, в ожерелье подвешен денарий диаметром 15 см с бортиком и медным проволочным ушком, определенный А. С. Беляковым как германский пфенинг (вендака) первой половины XI в. [Равдина, 1988, с. 20, табл. 13; с. 129]. Т. В. Равдина датировала погребение концом XI в. [Равдина, 1991, с. 7, табл. 2, 1]. Эсовидный сосуд такой же формы и орнаментации имеется в комплексе селища Дьяково-пойма (Рис. 8, 6) [Кренке, с. 207, рис. 46 Б, 6].

Венчики горшков 4–7 (Рис. 7, *n-31a, n-52, n-65, n-66, n-31*) эсовидной формы, срезанные на концах, выполнены в одной технике. Толщина стенок составляет 5 мм, примеси – крупнозернистый песок и дресва с кварцитами до 2 мм. Цвет поверхности – серо-бурый или буро-кирпичный (*n-31a*). 5-й и 6-й венчики украшены волнистым орнаментом по плечикам. Венчики у горшков срезанные, у 7-го – края заглажены. Помимо венчиков найдены фрагменты стенок с глубоким горизонтальным рифлением и волнистым орнаментом, в том числе волной, выполненной внахлест (Рис. 7, *n-57, n-43*). Горшки со срезанными венчиками и волной по плечикам представлены в Болшеве-3 как в яме 6 (Рис. 8, 186) [Чернов, 2018, с. 95, рис. 18, 186], так и в яме 31 (Рис. 8, 458) [Чернов, Волков, 2010, с. 143, рис. 3, нижняя часть]¹¹. Имеются они и в комплексе селища Дьяково-пойма (Рис. 8, 7, 8) [Кренке, с. 207, рис. 46 Б, 7, 8].

Ранним признаком является присутствие в материалах из могутовской поймы небольшого процента керамики из белой глины (Рис. 7, *n-41a, n-41a, n-46, n-47, n-58*). Значительное количество раннекруговой керамики из белой глины с орнаментом «дрожащая волна» встречено на селище Болшево-3 в слое, залегающем над ямами 20 (вторая – третья четверть XI в.) и 31 (первая половина XII в.) [Чернов, Волков, 2009, с. 133, рис. 14, нижняя часть]. В яме 6 Болшева-3 керамика из белой глины тоже имеется, причем она технологически близка керамике из могутовской поймы [Чернов, 2018, с. 97, рис. 20, 130, 189, 284, 285].

Горшок 8 (Рис. 7, *n-55, n-62, n-63*) представлен венчиком диаметром 23 см, отогнутым наружу, сильно профилированным, с валиком и упором под крышку. Он сформован

¹¹ См. также серии таких венчиков из верхнего слоя, перекрывающего яму [Чернов, Волков, 2010, с. 151, рис. 11, нижняя часть; с. 152, рис. 12, нижняя часть].

из красножгущейся глины с песком (кварциты не более 1 мм), прошел окислительный обжиг (поверхность бурая, в изломе черепок серый). В отличие от всех остальных сосудов этой коллекции, поверхность горшка заглажена. Появление этого типа керамики (1-й вариант курганной керамики) [Чернов, 2005, с. 111, 112, табл. А, Д-1] является четким хронологическим маркером, который позволяет различать комплексы конца XI в. от комплексов первой половины XII в. Подобная керамика отсутствует в яме 6 Болшева-3 (6,5 % лепной керамики) и на селище Дьяково-пойма (1 лепной фрагмент). В яме 31 Болшева-3 такая керамика уже присутствует (Рис. 8, 449), причем особенно много ее в слое, который перекрывает яму 31 и мог откладываться после прекращения жизни сооружения (Рис. 8, 725 и др.) [Чернов, Волков, 2010, с. 144, рис. 4, 449]¹². Значительная серия такой керамики имеется и в яме 1, исследованной на посаде Могутова.

Подводя итог, следует признать, что поселение на пойме близ Могутовского городища возникло в период, когда лепная керамика только что вышла из употребления, но продолжали использоваться раннекруговые формы воронковидных и эсовидных горшков, которые до этого сосуществовали с лепной керамикой на последней стадии ее бытования (для бассейна р. Клязьмы это последняя четверть XI в. и несколько ранее). Этот этап бытования керамики отражает селище Дьяково-пойма. Поскольку прямые аналогии горшков из Могутова (Рис. 6 Б; Рис. 7, п-30) содержатся в комплексе с лепной керамикой (Рис. 8, 185) и в захоронении с денарием (Рис. 8, 10), можно предполагать, что поселение возникло либо сразу после исчезновения лепной керамики, либо в тот период, когда лепная керамика еще оставалась в употреблении у местного населения.

Жизнь на пойме Могутова продолжалась и в следующий период бытования древнерусской керамики, когда наряду с раннекруговой появляется технологически более совершенная посуда с сильно профилированным венчиком (тип 1 курганной керамики), которая будет доминировать во второй половине XII в. Этот второй период жизни могутовского селища отражает комплекс керамики из ямы 31 селища Болшево-3, который датируется первой половиной XII в. Если предложенная модель объяснения верна, то селище на пойме следует датировать первой четвертью XII в., не исключая при этом возможности его появления в конце XI в. и прекращения жизни в начале второй четверти XII в.

Некоторые сомнения в справедливости предложенной модели вызывают те различия, как технологические, так и морфологические, которые имеются между керамикой из комплексов Дьяково-пойма и яма 31 селища Болшево-3. Здесь нам на помощь приходит обращение к памятнику, на котором исследовано 57 закрытых комплексов X–XII вв. (примерно 20 комплексов на столетие). При такой «плотности перекрытия» удастся найти сооружение, в заполнении которого обнаружены практически все формы, которые найдены на пойме Могутова. Это постройка 18 на городище Городка на Ловати, которую автор исследования датирует в пределах второй половины XI – XII в. В комплексе сочетаются воронковидный горшок, серия эсовидных сосудов с орнаментацией, близкой горшку 2 Могутова, и два сосуда с отогнутыми наружу венчиком и упором под крышку [Горюнова, 2016, с. 50–53, 68, 69, рис. 188]. Таким образом, сочетание описанных керамических форм в рамках одного комплекса оказывается вполне реальным.

¹² См. также серии таких венчиков из верхнего слоя, перекрывающего яму [Чернов, Волков, 2010, с. 149, рис. 9, 561, 725, 1056].

Отложения с детритом под глиняным чехлом

После проведения зачистки на уровне –170 см, в связи с тем, что культурный слой древнерусского времени был доследован, характер работ был изменен и нацелен на изучение стратиграфии нижележащих отложений, отражающих этапы формирования поймы р. Шеренки. Прокоп стерильных суглинистых отложений производился двумя шурфами – вдоль северной (до –260 см) и западной (до –320 см) стенок раскопа. Эти работы показали, что под глиняным чехлом на основной площади шурфа на отметках –190 – –210 см фиксируется прослойка ожелезненного песка (ее нет под оглеенной линзой в кв. 2), под которой залегают мощные отложения светло-серой глины. На отметках –240 – –260 см их сменяет темно-серая переходящая в черную сильно гумусированная супесь, имеющая горизонтальную слоистую структуру. Этот слой содержал большое количество детрита – обломков непрогнившего дерева как естественного происхождения (ветки, стволы деревьев), так и обработанного человеком (множество надрезов, следов заточки кольев и др.). Подобный слой залегал на всю глубину прокопа до отметки –320 см. Судя по всему, слой детрита может датироваться периодом неолита и/или бронзового века.

Выводы

Культурный слой древнерусского времени обнаружен в северной части излучины к северу от городища. Это раннее поселение, судя по плану луга, не могло превышать 2500 кв. м (50 × 50 м) (Рис. 2), причем жилые сооружения чередовались с понижениями микрорельефа (Рис. 3 Б). Поверхность погребенной почвы древнерусского времени сохранилась хорошо, тем не менее каких-либо следов дороги в раскопе прослежено не было. Следовательно, Переяславская дорога, о существовании которой недвусмысленно говорят письменные источники, проходила за пределами раскопа – видимо, западнее его, вдоль мыса.

Возникновение поселения на затопляемой в половодье территории, скорее всего, было обусловлено близостью к дороге. Здесь, в излучине, зажатой между стеной крепости и рекой, было удобно осматривать грузы и взимать торговые пошлины. Фиксация в этом месте культурного слоя, который надежно датируется первой четвертью XII в., свидетельствует о том, что Шерна как поселение, имевшее контрольные функции, возникло не позднее кончины Владимира Мономаха (1125 г.). На городище раскопки не проводились, поэтому мы не знаем, когда были возведены укрепления. Тем не менее трудно представить, что в первой четверти XII в. поселение располагалось лишь в пойме. По всей видимости, заселен был и мыс коренного берега, который мог оставаться какое-то время неукрепленным.

Шерна ни тогда, ни во второй половине XII в. не являлась центром концентрации сельских поселений. На это указывает почти полное отсутствие курганных могильников в нижнем течении р. Шеренки. Появление здесь поселения можно объяснить лишь тем, что не позднее 1125 г. сухопутная дорога из Южной Руси в Клещин (будущий Переяславль-Залесский) и Ростов уже была проложена и требовала создания форпостов, осуществлявших контрольные функции.

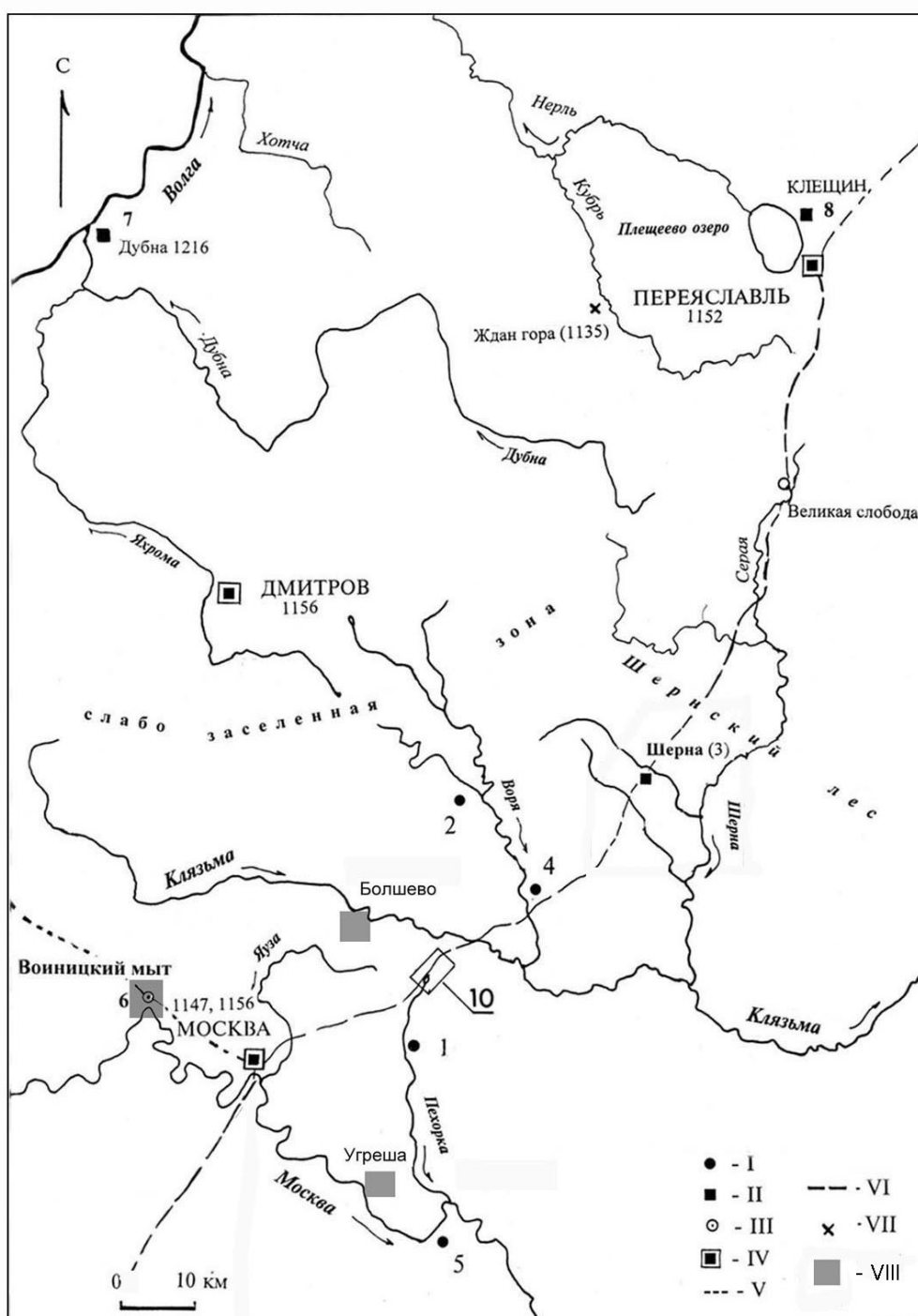

Рис. 1. Шерна – городок в системе укрепленных поселений западной части Владимиро-Суздальского княжества второй половины XII – XIII в. Схема. I – убежища XIII в.; II – городки XII–XIII вв.; III – открытое поселение XII–XIII вв.; IV – города второй половины XII – XIII в.; V – участок дороги из Волока Ламского к Москве; VI – участок дороги из Киева в Ростов (между Переяславлем и Москвой); VII – место битвы на Ждане-горе (1135 г.); VIII – поселения XI в. 1 – Никольское Мытищи (археологический комплекс Балашихинского городища); 2 – Воря (археологический комплекс городища Царево-1); 3 – городок Шерна (археологический комплекс городища у д. Могутово); 4 – археологический комплекс Громковского городища; 5 – Воскресение у Боровского перевоза (археологический комплекс городища Боровский курган); 6 – Воиницкий мыт у Спаса на Востокне (археологический комплекс в районе 1-го Спас-Тушинского городища); 7 – Дубна (поселение у с. Ратмино); 8 – городище у с. Городище (Клецин); 9 – центр переславской волости Великая слобода (XV в.), маркирующей зону освоения XII–XIII вв.; 10 – место «Старой Переяславской лесной дороги», упоминаемой в меновной грамоте Дмитрия Донского на земли Спасской пустыни на Медвежьем озере (1381–1382 гг.).

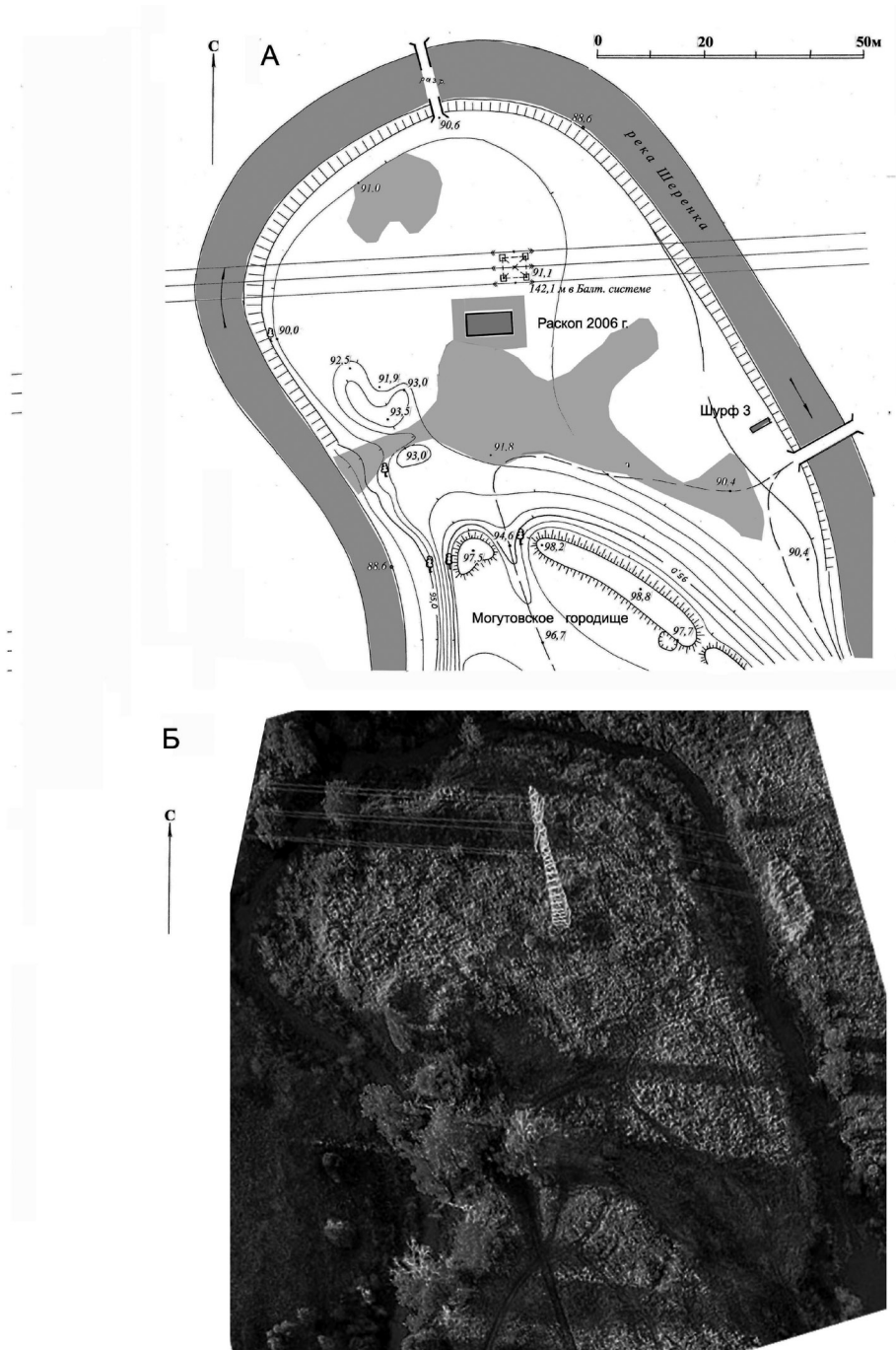

Рис. 2. Луг в излучине р. Шеренки к северу от Могутовского городища. А – план луга, выполненный геодезистом А. В. Шаровым в апреле 1990 г. и откорректированный В. В. Петровым в июне 2005 г.: I – раскоп 2005 г., II – шурф 3; Б – снимок луга, выполненный с квадрокоптера в августе 2016 г. (© Вадим Андреевич Разумов)

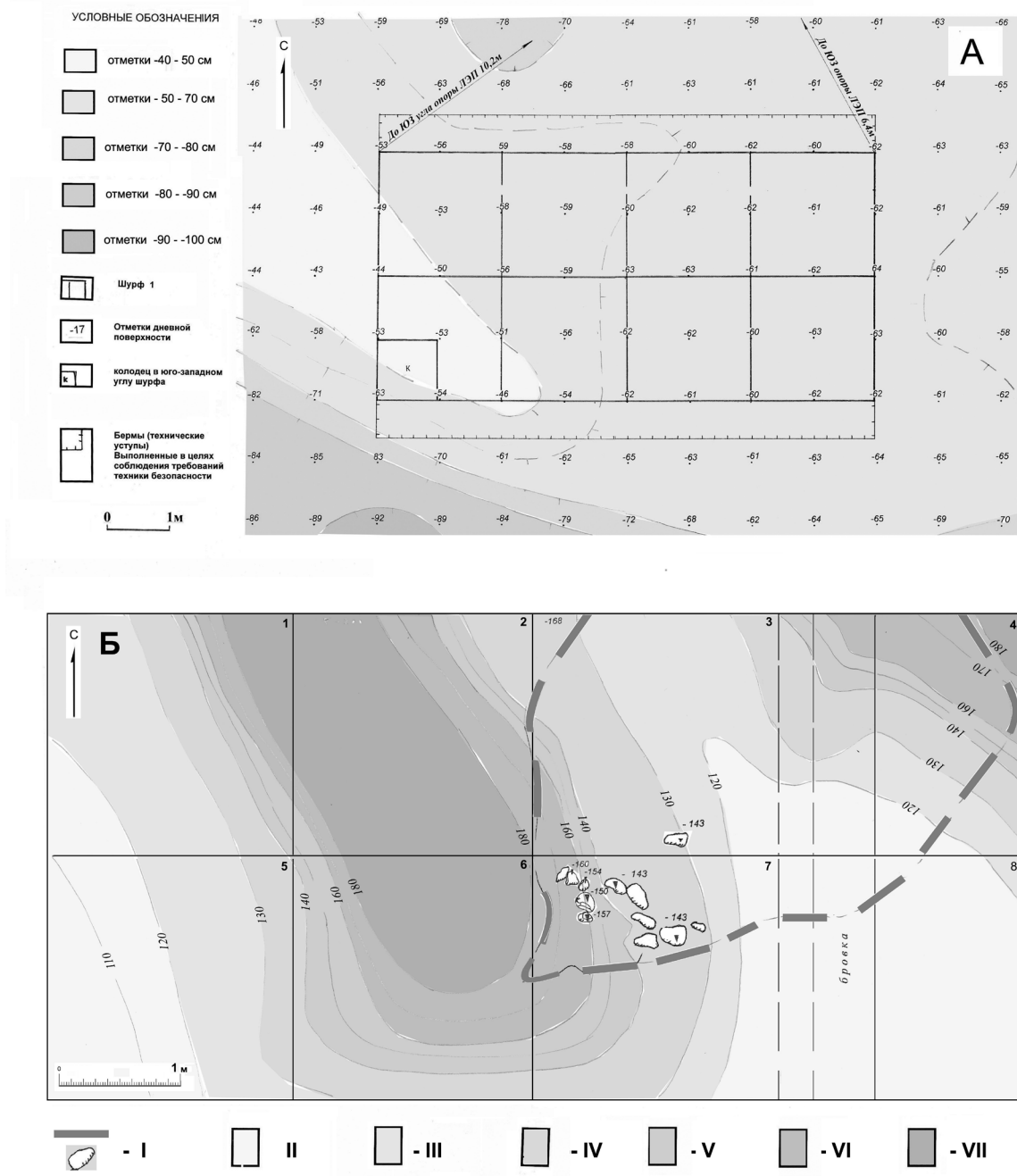

Рис. 3. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища. 2005 г. А – нивелировочный план дневной поверхности раскопа; Б – нивелировочный план палеорельефа на уровне погребенной почвы и культурного слоя древнерусского времени: I – границы распространения культурного слоя древнерусского времени и связанного с ним развала камней на микроостанце; II – отметки -110 – -120 см; III – отметки -120 – -130 см; IV – отметки -130 – -140 см; V – отметки -140 – -160 см; VI – отметки -160 – -180 см; VII – отметки – -180 – -190 см – дно понижений палеорельефа, заполненных оглеенным суглинком.

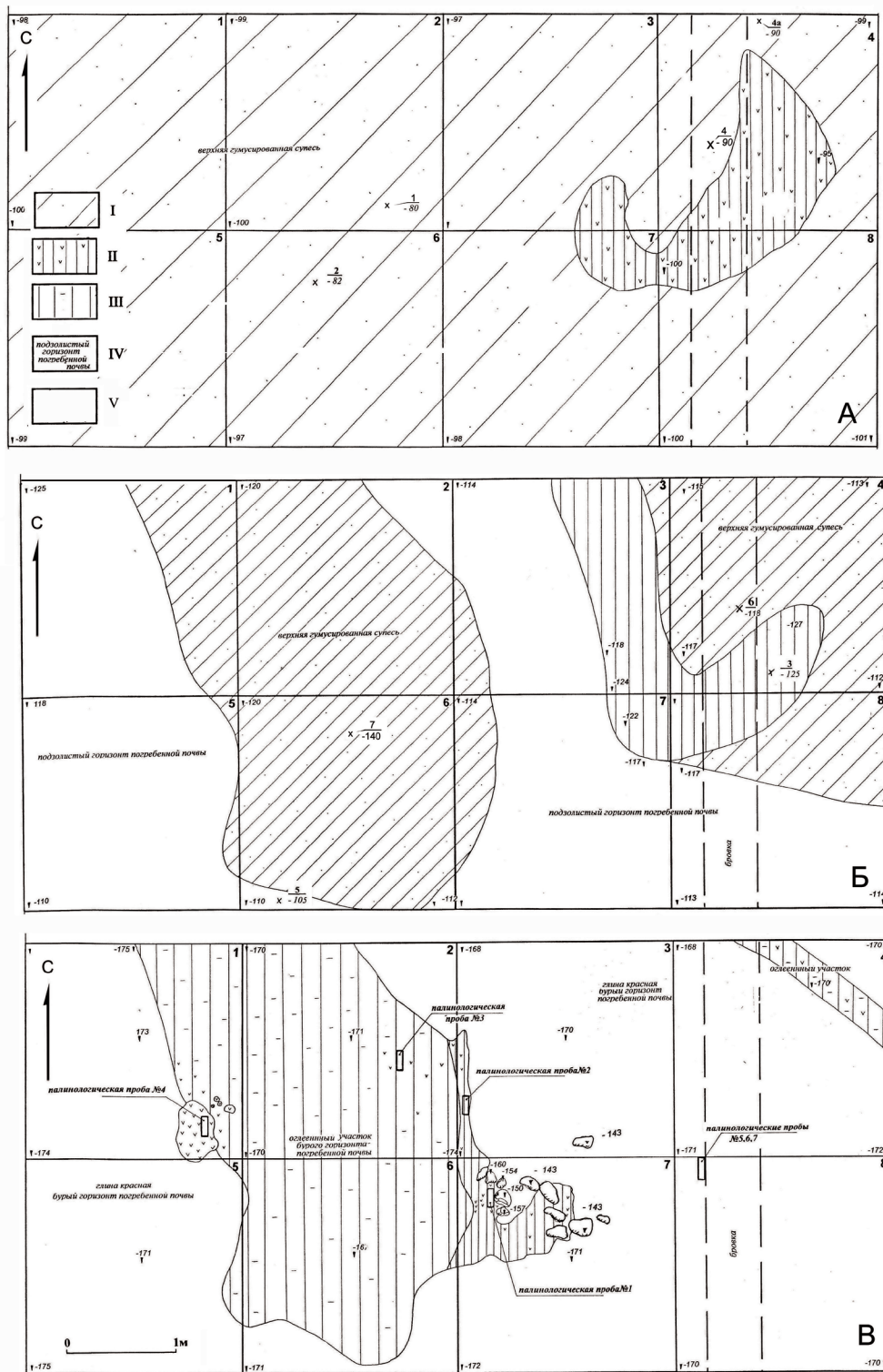

Рис. 4. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища. 2005 г. А – план раскопа в зачистке 2-го пласта на уровне -100 см: в восточной части фиксируется вершина микроостанца, покрытого культурным слоем древнерусского времени; Б – план раскопа в зачистке 3-го пласта на уровне -120 см: слева – западина палеорельефа, заполненная оглеенной гумусированной супесью, справа – культурный слой древнерусского времени на вершине микроостанца и западина у восточного края раскопа; В – план раскопа в зачистке 6-го пласта на уровне -170 см: слева – западина палеорельефа, вдоль восточного края которой фиксируется слой древнерусского времени с камнями, в северо-восточном углу раскопа – фрагмент древнерусского слоя на склоне останца.

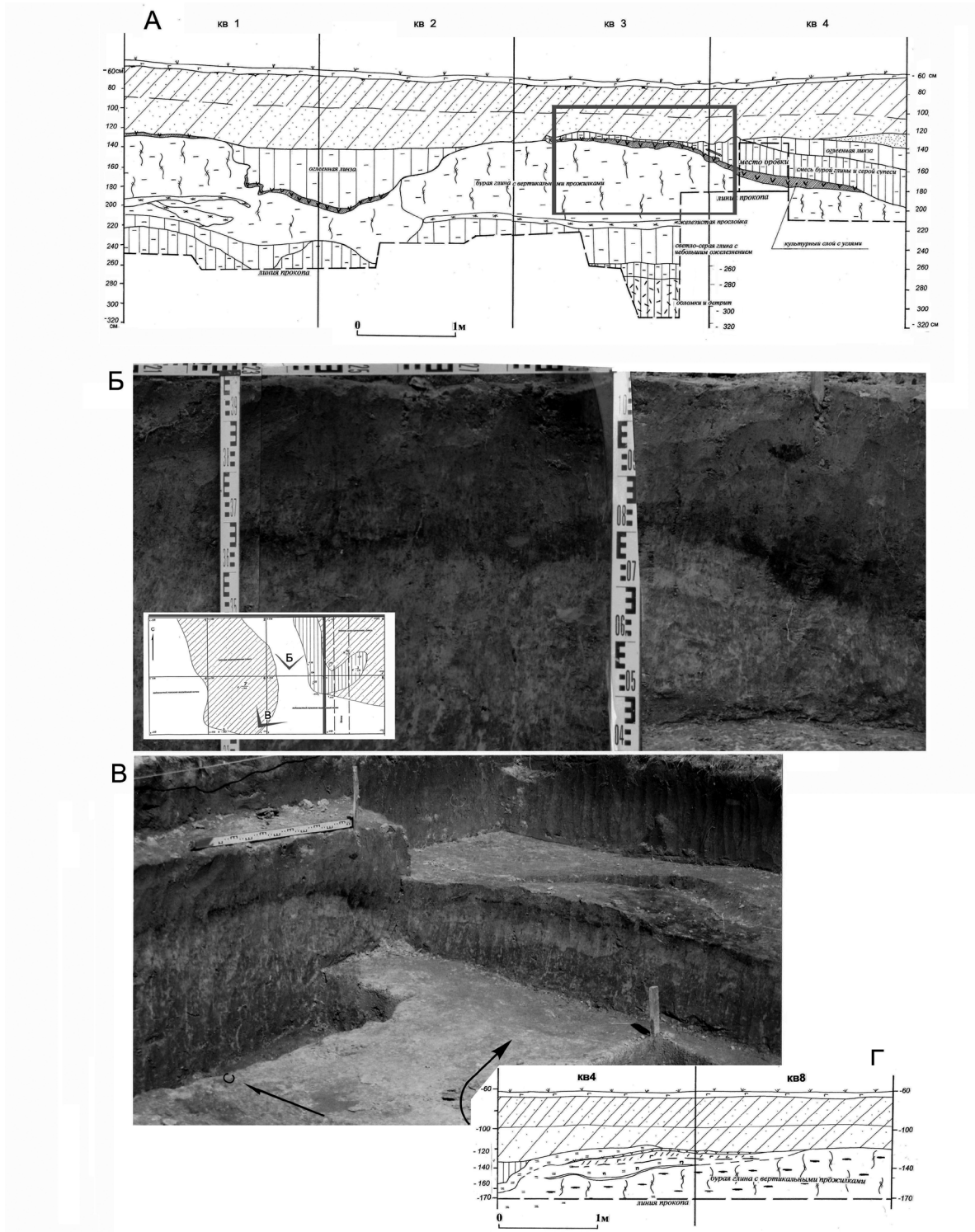

Рис. 5. Раскоп в пойме к северу от Могутовского городища. 2005 г. Культурный слой древнерусского времени. А – профиль северной стенки шурфа. Под аллювиальными отложениями XVII–XIX вв. (моцностью 0,6–0,8 м) на природном микроостанце залегает культурный слой древнерусского времени (черный суглинок с углем); Б – фрагмент профиля северной стенки шурфа (местоположение показано на чертеже А), фиксирующий культурный слой древнерусского времени; на врезке – местоположение профилей на плане раскопа; В – общий вид с юго-запада на северо-восточную часть раскопа на уровне разборки культурного слоя древнерусского времени. Слева – северный профиль шурфа после снятия бермы, справа – бровка север-юг, за бровкой просматривается поверхность культурного слоя, повторяющая формы природного микроостанца; Г – профиль бровки север-юг, вид с запада.

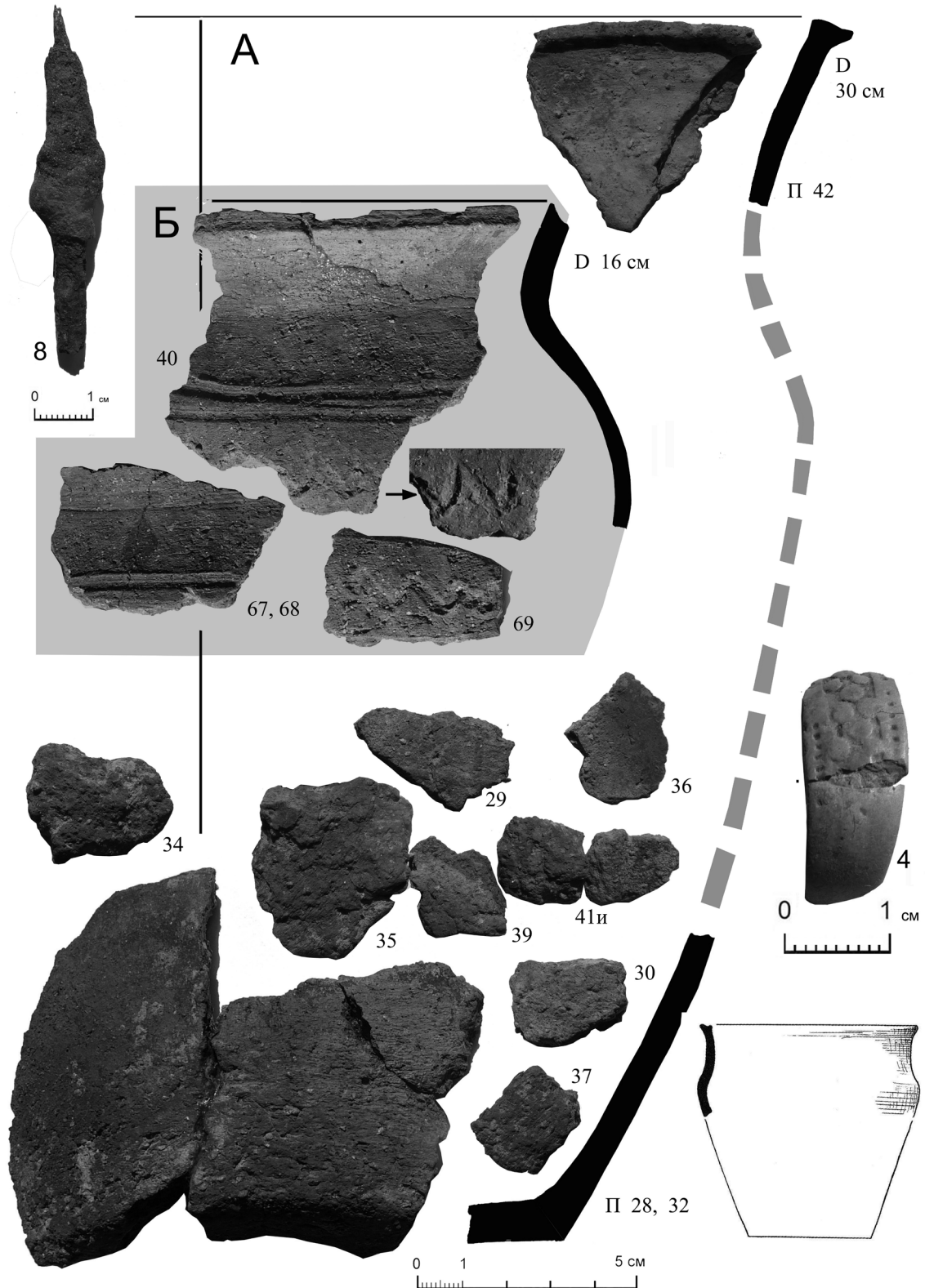

Рис. 6. Раскоп в пойме к северу от Мозутовского городища. Раннегончарная керамика и находки, происходящие из культурного слоя древнерусского времени, залегающего под аллювием. А – горшок 1 с воронковидным венчиком; Б – горшок 2 с эсвидным венчиком; 8 – наконечник стрелы черешковый (пл. 4, кв. 4); 4 – фрагменты бронзового перстня (пл. 2, кв. 4, бровка).

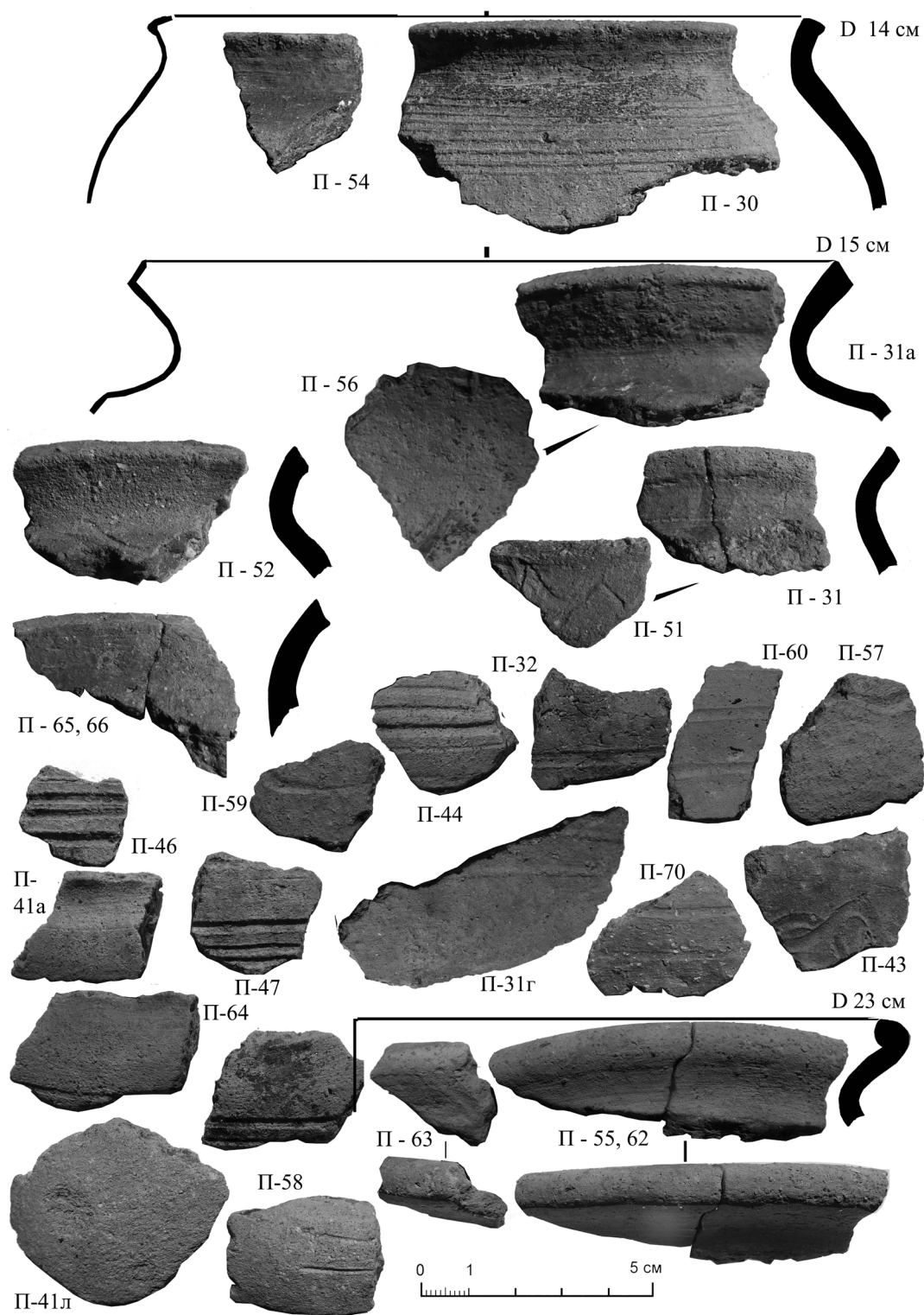

Рис. 7. Раскоп в пойме к северу от Мозутовского городища. Раннегончарная керамика, происходящая из культурного слоя древнерусского времени, залегающего под аллювием. Горшок 3 эсвидный (п-30, п-54); горшки со срезанным венчиком: 4 – п-31а, п-56; 5 – п-52, 6 – п-65, п-66, 7 – п-51, п-31; горшок 8 с отогнутым наружу венчиком и упором под крышку – п-55, п-62; керамика из белой глины – п-46, п-47, п-41а, п-58.

Рис. 8. Схема распределения аналогий керамики из поселения в пойме Могутово в закрытых комплексах керамики второй половины XI – середины XII в. В левой колонке указаны номера горшков поселения Могутово-пойма, в остальных колонках – аналогии соответствующих сосудов из закрытых комплексов. I – закрытые комплексы, отражающие период сосуществования лепной и раннекруговой керамики; II – закрытые комплексы, отражающие период сосуществования раннекруговой и развитой круговой керамики.

Литература

- Александровский А. А., Кренке Н. А., Низовцев В. А., Спиридонова Е. А., Янишевский Б. Е. Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и Средневековье // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 1. С. 189–202.
- Асташева Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 21–49.
- Горюнова В. М. Датировочные возможности раннегончарной керамики X – начала XI в. // Российская археология. 2009. № 4. С. 132–141.
- Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб., 2016. 349, [2] с., [12] л. ил.
- Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск, 2019. 242 с.
- Колчин Б. А., Черных Н. В. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. 128 с.
- Кренке Н. А. Археологическая карта Коломенского в древнерусский период (XI–XIII вв.) // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 203–213.
- Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А. Керамика второй половины XI в. из раскопок на набережной Горького (Микрорайон Рачевка) в Смоленске // Смоленская керамика VIII–XIX веков. М.; Смоленск, 2020. С. 49–58.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. 198 с.
- Мурашьева В. В., Панин А. В., Фетисов А. А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 132–147.
- Мурашьева В. В., Авдусина С. А., Рузанова С. А., Фетисов А. А. Исследование пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 191–193.
- Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска (раскоп XI на ул. Соболева) // Советская археология. 1980. № 2. С. 246–251.
- Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. 146, [3] с.
- Равдина Т. В. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С. 7–13.
- Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутово и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые попытки интерпретации. Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 5–33. [Чернов, 2003а]
- Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутово и его значение для изучения предыстории Московской земли в первой половине XII века. Первые попытки интерпретации. Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 5–21. [Чернов, 2003б]
- Чернов С. З. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2005. Т. 2. 650 с.
- Чернов С. З. Болшево-3 на верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2018. Вып. 14. С. 64–104.
- Чернов С. З., Волков И. В. Болшево-3 – древнерусское поселение XI века на верхней Клязьме // Археология Подмосковья. М., 2009. Вып. 5. С. 112–136.
- Чернов С. З., Волков И. В. Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2010. Вып. 6. С. 139–163.
- Чернов С. З., Глазунова О. Н. Раскопки в пойме близ городища Могутово в Щелковском районе Московской области // Археологические открытия 2005 года. М., 2007. С. 271–272.
- Черных Н. В. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. С. 93–112.

References

- Aleksandrovskii, A. L., Krenke, N. A., Nizovtsev, V. A., Spiridonova, E. A., Yanishevskii, B. E. Poimennyi landschaft v doline Moskvy-reki v zheleznom veke i Srednevekov'e [Floodplain Landscape in the Valley of the Moskva River in the Iron Age and in the Middle Ages]. In *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. Istoricheskie landschafty*. Moscow, 2005. Vol. 1. Pp. 189–202.
- Astasheva, N. I. Usad'by drevnego Smolenska [Estates of Old Smolensk]. In *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda)*. Moscow, 1991. Pp. 21–49.
- Chernov, S. Z. Sfragisticheskii kompleks iz Mogutova i ego znachenie dlya izucheniya predystorii Moskovskoi zemli v pervoi polovine XII veka. Pervye opyty interpretatsii. Ch. 1 [The Sphragistic Complex from Mogutovo and Its Significance for the Study of the Prehistory of the Moscow Land in the First Half of the 12th Century. The First Experiments of Interpretation. Part 1]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2003. No. 2 (12). Pp. 5–33. [Chernov, 2003a]
- Chernov, S. Z. Sfragisticheskii kompleks iz Mogutova i ego znachenie dlya izucheniya predystorii Moskovskoi zemli v pervoi polovine XII veka. Pervye opyty interpretatsii. Ch. 2 [The Sphragistic Complex from Mogutovo and Its Significance for the Study of the Prehistory of the Moscow Land in the First Half of the 12th Century. The First Experiments of Interpretation. Part 2]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2003. No. 3 (13). Pp. 5–21. [Chernov, 2003b]
- Chernov, S. Z. Domen moskovskikh knyazei v gorodskikh stanakh. 1271–1505 gody [The Domain of Moscow Princes within the Cities. 1271–1505]. In *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. Istoricheskie landschafty*. Moscow, 2005. Vol. 2. 650 p.
- Chernov, S. Z. Bolshevo-3 na verkhnei Klyaz'me: severnaya usad'ba i ee etnokul'turnye osobennosti (po dannym raskopok 2012 g.) [Bolshevo-3 on the Upper Klyazma: The Northern Estate and Its Ethnocultural Features (According to the 2012 Excavations)]. In *Arkheologiya Podmoskov'ya. Materialy nauchnogo seminara*. Moscow, 2018. Issue 14. Pp. 64–104.
- Chernov, S. Z., Glazunova, O. N. Raskopki v poime bliz gorodishcha Mogutovo v Shchelkovskom raione Moskovskoi oblasti [Excavations in the Floodplain near the Settlement of Mogutovo in the Shchelkovsky District of the Moscow Region]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2005 goda*. Moscow, 2007. Pp. 271–272.
- Chernov, S. Z., Volkov, I. V. Bolshevo-3 – drevnerusskoe poselenie XI veka na verkhnei Klyaz'me [Bolshevo-3 is an Old Russian Settlement of the 11th Century on the Upper Klyazma]. In *Arkheologiya Podmoskov'ya*. Moscow, 2009. Issue 5. Pp. 112–136.
- Chernov, S. Z., Volkov, I. V. Postroika pervoi poloviny XII veka selishcha Bolshevo-3 na verkhnei Klyaz'me (yama 31) [Construction of the First Half of the 12th Century of the Settlement of Bolshevo-3 on the Upper Klyazma (Pit 31)]. In *Arkheologiya Podmoskov'ya. Materialy nauchnogo seminara*. Moscow, 2010. Issue 6. Pp. 139–163.
- Chernykh, N. V. Dendrokronologiya srednevekovykh pamyatnikov Vostochnoi Evropy [Dendrochronology of Medieval Monuments of Eastern Europe]. In *Problemy absolyutnogo datirovaniya v arkheologii*. Moscow, 1972. Pp. 93–112.
- Goryunova, V. M. Datiruyushchie vozmozhnosti rannegoncharnoi keramiki X – nachala XI v. [Dating Possibilities of Early Pottery Ceramics of the 10th – the Beginning of the 11th Century]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2009. No. 4. Pp. 132–141.
- Goryunova, V. M. Gorodok na Lovati X–XII vv. (k probleme stanovleniya goroda Severnoi Rusi) [The Town on Lovat of the 10th – 12th Centuries (On the Problem of the Formation of the City of Northern Rus)]. Saint Petersburg, 2016. 349, [2] p., [12] l. of il.
- Kamenetskaya, E. V. Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ya [Ceramics of the 9th – 13th Centuries as a Source on the History of the Smolensk Dnieper Region]. Moscow; Smolensk, 2019. 242 p.
- Kolchin, B. A., Chernykh, N. V. Dendrokronologiya Vostochnoi Evropy [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow, 1977. 128 p.
- Krenke, N. A. Arkheologicheskaya karta Kolomenskogo v drevnerusskii period (XI–XIII vv.) [Archaeological Map of Kolomenskoye in the Old Russian Period (11th – 13th Centuries)]. In *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. Istoricheskie landschafty*. Moscow, 2004. Vol. 1. Pp. 203–213.

- Krenke, N. A., Ershov, I. N., Raeva, V. A. Keramika второй половины XI в. из раскопок на набережной Гор'кого (Микрорайон Рачевка) в Смоленске [Ceramics of the Second Half of the 11th Century from Excavations on Gorky Embankment (Rachevka Microdistrict) in Smolensk]. In *Smolenskaya keramika VIII–XIX vekov*. Moscow; Smolensk, 2020. Pp. 49–58.
- Moskovskaya keramika. Novye dannye po khronologii [Moscow Ceramics. New Chronological Data]. Moscow, 1991. 198 p.
- Murasheva, V. V., Panin, A. V., Fetisov, A. A. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (po rezul'tatam issledovaniya Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa) [Interdisciplinary Research in Archaeology (Based on the Results of the Research of the Gnezdovsky Archaeological Complex)]. In *Srednie veka*. Moscow, 2009. Issue 70 (3). Pp. 132–147.
- Murasheva, V. V., Avdusina, S. A., Ruzanova, S. A., Fetisov, A. A. Issledovanie poimennoi chasti poseleniya Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa [Research of the Floodplain Part of the Settlement of the Gnezdovsky Archaeological Complex]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 2005 goda*. Moscow, 2007. Pp. 191–193.
- Myasnikova, N. V. K dendrokhnologii Smolenska (raskop XI na ul. Soboleva) [To the Dendrochronology of Smolensk (Excavation XI on Sobolev Street)]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1980. No. 2. Pp. 246–251.
- Ravdina, T. V. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevnei Rusi. Katalog [Burials of the 10th – 11th Centuries with Coins on the Territory of Old Rus. Catalog]. Moscow, 1988. 146, [3] p.
- Ravdina, T. V. Keramika iz datirovannykh pogrebenii v kurganakh Podmoskov'ya [Ceramics from Dated Burials in the Mounds of the Moscow Region]. In *Moskovskaya keramika. Novye dannye po khronologii*. Moscow, 1991. Pp. 7–13.

Sergey Z. Chernov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EARLY FLOODPLAIN SETTLEMENT IN THE OLD RUSSIAN SHERNA
AND DATING OF THE ORIGIN OF THE ROAD FROM SOUTHERN RUSSIA TO ROSTOV

The article contains the results of archaeological excavations of the floodplain settlement of the Mogutovsky archaeological complex, which is identified with the Old Russian town of Sherna. At a depth of half a meter under the alluvial cover, the cultural layer of the Old Russian times was traced. It covered a small hill surrounded by flooded lowlands. It can be assumed that the settlement controlled the road from Moscow to Pereyasavl in the area between the fortress and the Sherenka river. The pottery found at the settlement belongs to the early wheel pottery. There are analogies between funnel-shaped and esoid vessels and ceramics found in the complexes of the last quarter of the 11th century sculpted without a potter's wheel, as well as of the complexes of the first half of the 12th century made on a potter's wheel. This allows us to date the settlement to the first quarter of the 12th century and assume that it was at that time when a road from Southern Russia to Rostov appeared.

Keywords: the road from Southern Russia to Rostov, Sherna, early wheel pottery, archaeology of floodplains, alluvium, Mogutovsky archaeological complex

